

Штуровская тема в современной словацкой драматургии

Аннотация: Фигура Людовита Штура (1815–1856), выдающегося политика и общественного деятеля, поэта и идеолога, кодификатора словацкого литературного языка, привлекала внимание словацких драматургов и режиссеров начиная еще с межвоенного двадцатилетия (В. Г. В., Л. Зубек). На рубеже XX–XXI вв. на словацкой сцене появился целый ряд драматических произведений, в которых центральное место отводится фигуре Людовита Штура и его соратников. Многие из этих постановок вызвали бурный отклик зрителей и многочисленные отзывы в прессе из-за неординарной трактовки образов штуровцев и оригинального сценического решения. Наряду с традиционными по форме литературными пьесами Карола Горака, Юрая Сарваша, Яны Юранёвой, возникли и музыкально-драматические, и чисто музыкальные постановки о Людовите Штуре («Штуровцы (отмененный концерт)», «...твой Людевит»), которым также удалось приблизить образы штуровцев, их идеи и творчество к современному словацкому зрителю.

Ключевые слова: Словакия, Людовит Штур, словацкое национальное возрождение, словацкая драматургия, словацкий театр XX века

Abstract: The figure of Ľudovít Štúr (1815–1856), a prominent politician and public figure, poet and ideologist, codifier of the Slovak literary language, attracted the attention of Slovak playwrights and directors, starting with the twentieth anniversary of the inter-war (V. G. V., L. Zubek). At the turn of XX–XXI centuries in the Slovak scene appeared a number of dramatic works in which the central figure is given Ľudovít Štúr and his associates. Many of these productions have caused the rapid response of the audience and numerous reviews in the press because of the unusual interpretation of images of Ľudovít Štúr and his associates and original stage solutions. Along with the traditional form of literary plays Karol Horak, Juraj Sarvas, Jana Juranova arose musical-dramatic and musical performances about Ľudovít Štúr («Shturovtsy (canceled the concert)», «...Your Lude-

vit»), which also managed to bring images of L. Štúr and his associates, their ideas and creativity of modern Slovak audience.

Key words: Slovakia, Ludovít Štúr, Slovak national revival, Slovak drama, Slovak theatre of the 20th century

Образ Людовита Велислава Штура (1915–1956), выдающегося политика и общественного деятеля, поэта и идеолога, кодификатора словацкого литературного языка – словом, одной из ярчайших личностей в истории словацкого народа, неизменно притягивает к себе внимание писателей и художников Словакии. Совсем недолгая, но насыщенная событиями жизнь Л. Штура, его сочинения на самые разнообразные темы, записи публичных выступлений по-прежнему являются источниками вдохновения для создания литературных сочинений, театральных постановок, кино- и телефильмов, картин и даже коллажей в постмодернистском духе. И ни в одном из этих художественных произведений Людовит Штур не кажется героем ушедшей эпохи, чьи мысли и идеалы остались в далеком прошлом, утратив свою актуальность для сегодняшнего дня. Наоборот, все чаще и чаще перед нами предстает совершенно живой, неординарный, современный герой, смело и остро мыслящий и действующий.

Если рассматривать современную словацкую драматургию достаточно широко – как драматургию, создававшуюся в Словакии в эпоху существования профессионального театра, т. е. после открытия в 1920 г. в Братиславе Словацкого национального театра, – то обзор драматургических произведений, посвященных фигуре Людовита Штура, можно начать еще с межвоенного периода. Так, в 1926 г. появилась в печати пьеса Владимира Гурбана Владимировича (выступавшего под псевдонимом В. Г. В. – V. H. V.) «Людовит Штур» (*Ludovít Štúr*). Как известно, В. Г. В. был внучатым племянником Л. Штура (его мать, Аугуста Штурова, была дочерью младшего брата Штура – Яна) и внуком соратника Штура Йозефа Милослава Гурбана. И, возможно, обращение писателя к образу Штура было своеобразной данью памяти великим предкам. Однако, к сожалению, пьеса «Людовит Штур» (как, впрочем, и большинство произведений В. Г. В. на историческую тематику) по своему художественному уровню уступает самым известным его произведениям, таким как «Земля» (*Zem*), «Homo sapiens», «S.O.S.» и др. Вероятно, в случае с «Людовитом Штуром» виной тому чрезмерное увлечение автора патетикой, возвеличиванием фигуры главного героя, его гражданских качеств в ущерб жизненности характеров и сюжета. Пьеса так и не получила сценического воплощения и даже не всегда упоминается среди произведений Владимира Гурбана Владимировича.

В 1934 г. писатель Людо Зубек обратился к образу Штура, создав радиопьесу «Людовит Штур», из которой впоследствии вырос целый роман «Весна Аделы Остролицкой» (*Jar Adely Ostrolúckej*, 1957). Характерно, что Л. Зубек в обоих произведениях рисует образ Штура без налета утрированной ле-

гендарности. Главный герой изображается им не столько как героическая фигура словацкой истории, сколько как, безусловно, выдающийся, но все же обычный человек, со всеми присущими людям недостатками и заблуждениями. Пьеса Л. Зубека стала первой словацкой радиопьесой на эту тему. Но следует отметить, что жанр радиопьесы оказался довольно популярным в Чехословакии и вплоть до 2010-х гг. «Словацким Радио» и другими радиостанциями был записан целый ряд радиопьес (или, как иногда их именуют авторы, драматических композиций), в которых центральная роль отводится фигуре Л. Штура. К примеру, небольшая драматическая композиция (длительностью около 30 мин.) Йозефа Шайгалы «Людовит Штур» (1972) воссоздает события последних дней жизни выдающегося словацкого исторического деятеля. Штур здесь изображен в тяжелом состоянии духа: перед смертью все его мысли заняты воспоминаниями о прожитом, о победах и неудачах, о незавершенных планах, что время от времени повергает его в сомнения и депрессию. В последние минуты жизни Штур впадает в забытие и в своих предсмертных видениях вновь ведет друзей и соратников к победе, выкрикивая: «За мной, друзья! Вперед! Не бойтесь!» В 1991 г. на словацкие телеэкраны выходит пятисерийный телевизионный сериал под названием «Штуровцы» (*Štúrovci*), снятый режиссером Петером Микуликом по сценарию Йозефа Боба и Йозефа Фило. Годом позже на той же литературной основе Йозефа Боба «Словацкое Радио» записало радиопостановку в пяти частях под тем же названием «Штуровцы» (1992). Это довольно масштабное повествование, охватывающее длительный период жизни Штура – с 1840 г., когда тот вернулся из Германии, до его смерти в 1856. Довольно подробно, в хронологической последовательности в радиопьесе описываются важнейшие события жизни Штура и его соратников, также частично затрагивается тема его взаимоотношений с Марией Поспишиловой и Аделой Остролицкой. Наконец, совсем недавно, в 2011 г., специально для словацкой радиостанции «Лумен» (*Lumen*) была написана и поставлена радиопьеса Алоиза Чобей «Большие надежды» (*Veľké nádeje*) с подзаголовком: «Драматический фрагмент из жизни Людовита Штура». Основными действующими лицами пьесы стали сам Штур, Адела Остролицка и ее семья. А. Чобей описывает события 1848–1853 гг., редкие встречи Людовита с Аделой, острые дискуссии между Штуром и ее родителями о его общественно-политической деятельности, о его *больших надеждах*. В одном из последних разговоров с Аделой Штур признается, что вынужден сделать выбор в пользу своих принципов и своих идеалов в ущерб чувствам, которые он к ней испытывает. Потеряв последнюю надежду на личное счастье с Людовитом, Адела заболевает и вскоре трагически умирает. Одна из ключевых фраз пьесы звучит в заключительной сцене из уст Штура: «Пока в нас горит надежда, нам есть ради чего жить».

В последние два десятилетия на словацкой сцене появился целый ряд драматических произведений, в которых центральное место отводится фигуре Людовита Штура и его соратников. Многие из этих постановок вызва-

ли бурный отклик зрителей и многочисленные отзывы в прессе из-за неординарной трактовки образов штуровцев и оригинального сценического решения. Одним из таких громких театральных событий стала пьеса Карола Горака «...Да приидет царствие Твое...» (Жизнь, деяния и смерть пророка Людовита Штура) («...Príd' kráľovstvo Tvoje...» (Život, skutky a smrť proroka Ludovíta Štúra)), которую в 1996 г. на сцене мартинского Театра СНП (*Divadlo SNP*) поставил режиссер Роман Полак. По признанию драматурга, его целью было не написание традиционной исторической пьесы, а создание «современного динамичного театрального эссе, в котором художественный вымысел и исторические факты взаимно дополняли бы друг друга, что могло бы вызвать полемику по поводу не только исторических, но и современных событий»¹. Здесь Штур представлен не только как политик и общественный деятель; большое внимание уделяется его личной жизни: отношениям с женщинами, друзьями, соперниками. Пьеса демонстрирует довольно ироничный взгляд на историю, на признанных национальных героев, непрекаемых нравственных авторитетов, она предлагает задуматься над их ошибками и промахами, словом, пытается развенчать миф о непогрешимости давно «канонизированных» исторических личностей. При этом произведение К. Горака проникнуто духом постмодернизма: в текст произведения вплетаются цитаты из сочинений Штура, его стихи, которые в постановке мартинского театра декламировались со сцены с преувеличенным романтическим пафосом, добавлявшим происходящему еще больший иронический подтекст. Критика рассматривала спектакль как попытку произвести переоценку художественного наследия Штура, продемонстрировать какой-то иной, отличный от школьных учебников взгляд на вещи. Правда, следует отметить, не всегда эта ирония, порой доходящая до сарказма, была уместна, не всегда рождала положительную реакцию и одобрение зрителей, поскольку нередко воспринималась зрителями как глумление над признанными фактами национальной истории.

В пьесе Яны Юранёвой «Блюдца серебряные, посудины отменные» (*Misky strieborné, nádoby výborné*), написанной в 1997 г., в центр действия помещены женщины штуровцев: Адела Остролицка (подруга Л. Штура), Аничка Юрковичова-Гурбанова (жена Йозефа Милослава Гурбана), Мариана Пишлова-Гержова (та самая Марина, ставшая прототипом героини поэмы Андрея Сладковича «Марина»), Антония Юлия Сековичова-Браксаторисова (супруга А. Сладковича), а также единственный мужской персонаж на сцене Ян Калинчак. Эти действующие лица были обозначены автором пьесы как «живые артисты». Остальные герои, присутствующие на сцене в виде «кукол, бюстов или групповых фотографий», – собственно штуровцы: Л. Штур, Й.М. Гурбан, А. Сладкович и другие. Во вступительной авторской ремарке сказано: «Сцена разделена на две половины, которые не общаются между собой и даже не знают друг о друге. Иногда они могут случайно пересекаться, но это, скорее, исключение. На одной половине – живые артисты, на

¹ www.sme.sk/c/2102226/v-martinskom-divadle-snp-pripravili-hru-o-ludovitovi-sturovi-v-rezii-romana-polaka.html (Дата обращения: 23.03.2015.)

другой – все прочие персонажи (или в виде бюстов, или их групповая фотография, возможна также комбинация различных техник). Артисты на первой половине общаются между собой, хотя иногда их речь напоминает разговор самих с собой. На другой половине, в «зале славы» (или же литературном кабинете), персонажи не общаются ни между собой, ни с актерами на другой половине, ни со зрителями. Иногда монологи на одной и другой половине сцены могут произноситься параллельно»¹.

Как и в упоминавшейся выше пьесе Карола Горака, Я. Юранёва предлагает несколько иначе, под другим углом взглянуть на вещи, о которых, казалось бы, все уже известно, и на исторических деятелей, давно вошедших во все учебники по словацкой истории и литературе. Автор смещает основной акцент на женщин (жен и подруг) шутовцев, которые по сюжету пьесы встречаются через много-много лет после смерти и вспоминают события своей жизни, любимых мужчин, их дела и т. д. В очень интимных диалогах героинь супер-положительные герои-шуты вдруг раскрываются как люди довольно противоречивые, их образы снижаются до образов обычных людей, которым были свойственны промахи, ошибки и заблуждения. В первую очередь снижению подвергается образ самого Л. Штура. Так, многократно обсуждается его письмо Й.М. Гурбану, где он называет Аделу Остролицкую «особенным существом». Само это слово – «существо» – безмерно оскорбляет Аделу, которая бы предпочла, чтобы Штур назвал ее женщиной, или человеком, или личностью, но уж точно не каким-то бесполом существом. Еще один пример снижения образа национального героя Штура в пьесе – это описываемый Юранёвой эпизод его приезда на свадьбу Й.М. Гурбана и А. Юрковичовой, когда он пытался отговорить своего товарища от женитьбы, полагая, что это нанесет ущерб их общему делу борьбы за национальные права словаков. И подобных эпизодов в пьесе немало, причем касаются они не только Штура.

Автор проявляет ироничное отношение и к высокой любовной лирике шутовцев, к примеру к поэме А. Сладковича «Марина». Одна из героинь пьесы Я. Юранёвой Марина Гержова, которой и была посвящена знаменитая поэма, оказывается женой обычного пряничника, вполне заурядной женщиной. По ходу действия Марина Гержова признается, что сама не очень понимает, что особенного нашел в ней поэт, и не видит большого сходства между собой и героиней поэмы. Более того, поэма, прославившая ее в веках, в жизни доставила ей немало проблем из-за того, что муж сильно ревновал ее. Также героиня неоднократно иронизирует, что у нее две могилы: первая – могила Марины Гержовой и ее мужа Гержо, а вторая – пустая могила некой поэтической Марины.

В конце концов, все женщины шутовцев в пьесе сходятся во мнении, что они сами были влюблены, тогда как их мужчины вполне могли обходиться и без них. Смысл названия раскрывается по ходу пьесы: мужчины при-

¹ www.archiv.aspekt.sk/aspekt_in.php?content=clanok&rubrika=2&IDclanok=96 (Дата обращения: 19.02.2015.)

званы творить, а женщины – это те их идеи, которые они создают и чеканят, как серебряные блюда, чтобы положить на них золотые яблочки. С одной стороны, автор задается вопросом: кем были бы эти женщины, если бы рядом с ними не было этих мужчин? Но, с другой, вся пьеса посвящена как раз тому, легко ли быть таким дорогим серебряным блюдцем, насколько непросто жить рядом с выдающимся человеком, быть безропотно «летающей за ним повсюду тенью»¹.

Первая постановка пьесы «Блюда серебряные, посудыны отменные» состоялась еще в 1997 г. в братиславском театре «Стока» (*Stoka*), где она была представлена в сокращенном варианте в формате сценического чтения. В марте 2015 г. состоялась премьера спектакля по пьесе Юранёвой в «Студии 12» (*Štúdio 12*) Театрального института в Братиславе. Режиссером постановки выступила Алена Лелкова.

В 2003 г. Театр Й.Г. Тайовского в Зволене (*Divadlo J.G. Tajovského vo Zvolene*) представил публике драматическую композицию Юрая Сарваша «Депутат зволенский» (*Vyslanec zvolenský*). Свою небольшую пьесу автор, известный словацкий актер и театральный педагог, много лет занимающийся изучением биографии и творческого наследия Штура, посвятил тому этапу его жизни, когда он представлял город Зволен в Венгерском сейме. Не обходит стороной Сарваш и тему взаимоотношений Людовита Штура и Аделы Остролуцкой. Одним из заметных сценографических решений зволенской постановки 2003 г. стала видеопроекция: действие на сцене разворачивалось на фоне исторических видов замка Остролуцких, оригинальных фотографий заседаний Венгерского сейма и т. п.

Необычное представление на штуровскую тему разыграла в 2006 г. труппа Словацкого камерного театра в Мартине (*Slovenské komorné divadlo v Martine*). Это была музыкальная постановка драматурга Роберта Манковецкого и режиссера Додо Гомбара под названием «Штуровцы (отмененный концерт)» (*Štúrovci (koncert zrušený)*). Изначально перед авторами стояла задача придумать некий рок-концерт для открытия театрального фестиваля «Дотыки а споения» (*Dotyky a spojenia*), правда, строго на заданную тему: что-нибудь из национальной истории, конкретно связанное с кем-то из выдающихся литературных или исторических деятелей-мартинцев. Очень быстро у авторов возникла идея обратиться к образам штуровцев. Они исходили из того, что об эпохе национального возрождения в сознании современных словаков остались лишь какие-то обрывочные сведения из школьной программы: названия нескольких стихотворений, пара дат, отдельные факты из биографий штуровцев и т. п. Форма же музыкального представления, концерта, к которой обратились Р. Манковецкий и Д. Гомбар, показалась им очень доступной для восприятия зрителей. Авторы выбрали четверых самых ярких, на их взгляд, и при этом очень разных героев-штуровцев (Людовита Штура, Янко Краля, Андрея Сладковича, Само Халупку) и задумали

¹ www.archiv.aspekt.sk/aspekt_in.php?content=clanok&rubrika=2&IDclanok=97 (Дата обращения: 19.02.2015.)

мались на том, что было бы, если бы они все жили сегодня? Как бы они могли объединить свои усилия? Одним из вариантов ответа на этот вопрос стало то, что они, возможно, основали бы свою музыкальную группу. Эта гипотеза и была взята за основу для постановки. Поэзия штуровцев была положена на музыку самых разных жанров: от тяжелого рока, техно, хип-хопа до блюза и джаза (авторами музыки стали Р. Манковецкий и Милослав Краль). Кроме того, в ходе представления исполнялись стихи режиссера постановки Д. Гомбара. По сюжету герои представления, молодые музыканты, называющие друг друга Людо, Яно, Ондро и Само, устраивают генеральную репетицию перед своим первым концертом. В репетиции также участвуют молодые вокалистки Марина и Адела и «старик» Топо Бернолак. Реакция публики на впервые исполненный на городской площади Мартина концерт о штуровцах была очень бурной: зрителей удивило, что поэзия XIX в. может быть настолько современной и актуальной, и после концерта они не раз переспрашивали у актеров и постановщиков, действительно ли это стихи тех самых штуровцев, не изменили ли в них что-нибудь. При этом среди отобранных авторами текстов большинство было на гражданскую тему, и после премьеры в прессе отмечалось, что в контексте сегодняшнего восприятия эти произведения штуровцев настолько радикальны, что вполне могут рассматриваться как националистические призывы. Парируя это обвинение, авторы отвечали, что, возможно, неплохо было бы словакам и в XXI в. задуматься над вопросом собственного суверенитета, несмотря на то что это не очень модно.

Представление «Штуровцы (отмененный концерт)» настолько понравилось публике, что было решено перенести его на сцену Словацкого камерного театра в Мартине, и в конечном итоге постановка продержалась в репертуаре театра целых 5 сезонов, до 2010 г. За этот спектакль Р. Манковецкий в 2006 г. был награжден премией министра культуры Словацкой Республики, который отметил его заслуги в приближении штуровского поколения к сегодняшней словацкой молодежи с помощью оригинальной формы драматического представления. Также Р. Манковецкий и его соавтор М. Краль по итогам театрального сезона 2006 / 2007 удостоились премии «Доски» (*Dosky*) за лучшую музыку к спектаклю.

Еще одна музыкальная постановка, точнее сказать – опера в одном действии о Людовите Штуре, под названием «...Твой Людевит» («...*Tvoj Ludevít*») появилась в репертуаре братиславского театра «Людус» (*Divadlo Ludus*) в 2012 г. Драматургическую основу оперы написал Миро Дахо, музыку – Матуш Углиарик, режиссером выступил Камил Жишка. Спектакль, который авторы также именуют музыкальной ораторией, отражает важнейшие этапы жизни Людовита Штура: его детство в Угровце, годы учебы, дискуссии о языке и собственной словацкой газете, любовь к Марии Поспишиловой, годы материальной нужды и проблемы со здоровьем, трагедии, связанные со смертью близких и т. д. В основе либретто – личная корреспонденция Штура и его биография, написанная Й.М. Гурбаном. В опере звучит

не только словацкий язык, но и немецкий, старочешский, старословацкий. На сцене Л. Штур дирижирует небольшим необычным оркестром, состоящим из клавесина, гобоя и арфы, а роль рассказчика принадлежит трио из трех баритонов.

Наконец, юбилейный 2015 г., когда отмечается 200-летие со дня рождения Л. Штура, уже принес несколько премьер театральных постановок на штуровскую тему. Кроме премьеры спектакля по пьесе Я. Юранёвой, о котором шла речь выше, новую поэтично-драматическую композицию под названием «Орел Татранский» (*Orol Tatranský*, 2015) написал и поставил для того же зволенского Театра Й.Г. Тайовского Юрай Сарваш. В пьесе отражаются самые значительные, этапные события в жизни Штура: отъезд на обучение в университет в Галле, возвращение из Германии и посещение на обратном пути в Градце Краловом семьи Поспишиловых, знакомство с семьей Остролуцких, получение депутатского мандата и участие в венгерском сейме, болезнь и смерть Аделы Остролуцкой, ранение и смерть самого Штура. В ткань произведения органично вписывается положенная на музыку поэзия Штура, а также народные песни, цитаты из стихотворений А. Сладковича и его поэм «Марина» и «Детван». Спустя 19 лет вновь обратился к штуровской теме и Карол Горак, специально для Словацкого национального театра в Братиславе подготовивший новую пьесу под названием «Пророк Штур и его тени, или Пришествие, жертва и вознесение пророка Людовита и его учеников» (*Prorok Štúr a jeho tiene alebo Zjavenie, obetovanie a nanebovstúpenie proroka Ludovíta a jeho u eníkov*, 2015). Героями произведения стали «народные будители» Л. Штур, Й.М. Гурбан, М.М. Годжа, Я. Краль, Й. Заборский, С.Б. Гробонь, которые изображаются как в своей революционной борьбе, конфронтации с Лайошем Кошшутом, так и в своей личной и семейной жизни. Здесь К. Горак продолжает линию, заданную Я. Юранёвой в пьесе «Блюда серебряные, посудыны отменные», и делает героинями сценического действия женщин штуровцев: Аделу Остролуцку, Марию Поспишилову, Аничку Юрковичову и Корнелию Келлнерову Годжову. Таким образом, перед зрителем предстают два мира, в которых существуют герои: первый – мир, в котором они с оружием в руках борются за свободу своего народа, а второй – тот, в котором они оказываются уже после революции, и в этом тихом семейном мире их ждет изоляция, одиночество, болезнь и т. п. Основной драматический конфликт в пьесе возникает между двумя политическими концепциями эпохи словацкого романтизма, отличными по своей идейной и духовной основе, которые демонстрируют два разных взгляда на то, что лежит в основе государства, – сильные идеи или же сильные прагматичные вожди.

Как мы видим, сценические произведения на штуровскую тему появлялись в последнее время в Словакии довольно часто, и не только в годы юбилеев, получая при этом активный и позитивный отклик читателей и зрителей. Фигуры штуровцев по-прежнему привлекают внимание драматургов и режиссеров, причем не только старшего, но и молодого поколения. Все

это, бесспорно, свидетельствует о том, что тяга к переосмыслению словаками своего прошлого, ключевых событий национальной истории еще жива, а шуруповские идеи и в наши дни актуальны и вызывают неизменный интерес.

Сведения об авторе:
Анна Юрьевна Пескова,
канд. филол. наук
научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Anna Yuryevna Peskova,
Candidate of Philology
Researcher
Institute of Slavic Studies RAS
apeskova@yandex.ru